

С. В. Соколов

О ЧЕМ СПОРИЛИ МИЛЛЕР И ЛОМОНОСОВ: ПЕРВЫЕ ШАГИ СКАНДИНАВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВАРЯЖСКОЙ РУСИ*

Дискуссия Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова по варяжскому вопросу, проходившая в 1749–1750 гг., вызвала живейшую полемику в историографии. Поскольку вопрос, дебатировавшийся в продолжение более двух десятков заседаний Санкт-Петербургской Академии наук, по-прежнему остается острым, историки, оценивая аргументы каждого диспутанта, часто впадают в крайности. Для антинорманистской позиции сторонников М. В. Ломоносова (Н. В. Савельев-Ростиславич, В. В. Мавродин, И. Е. Забелин, М. Н. Тихомиров, М. Т. Белявский, М. А. Алпатов и др.¹) характерен пафос защитников славянства и способности славян к созданию государства. Сторонники «норманистской» концепции Г.-Ф. Миллера (Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, П. Н. Милюков, В. А. Мошин, Л. С. Клейн, А. Б. Каменский, В. Я. Петрухин, Е. А. Мельникова и др.²) указывают, что он стоял на позиции истинной науки, защищая ее от «ложно понятого патрио-

тизма»; основные аргументы М. В. Ломоносова при этом рассматриваются как ненаучные.

В рамках данной статьи представим спор Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова не с точки зрения верифицируемости выводов каждого историка или их гражданской позиции, а как веху в интеллектуальной истории, выбрав в качестве предмета исследования интеллектуальные истоки их концепций и идей, которые обсуждались на заседаниях Академии наук. Нельзя сказать, что подобные попытки не предпринимались в историографии. Отличный пример являет собой недавняя работа С. И. Маловичко, в которой диспут Миллера и Ломоносова рассматривается как конфликт разных историографических культур.³ В этой работе автор, не оценивая выводы оппонентов с точки зрения их истинности, показывает, что столкновение Миллера и Ломоносова было обусловлено их принципиально разными подходами к писанию истории: целью Ломоносова являлось формирование картины прошлого, которая должна была бы вдохновлять современников через похвальный опыт; цель Миллера — реконструкция исторической реальности.

Дискуссия складывалась из множества спорных вопросов, среди которых выделим три наиболее значимых — о происхождении имени *русь*, о скандинавском влиянии на славян в догосударственный период и об образовании Древнерусского государства. Эти вопросы хорошо отражают три аспекта скандинавской концепции начала Руси — лингвистический, источниковый и теоретический. Раскрытие интеллектуальных традиций, которые стояли за идеями Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова, позволяет лучше понять, почему же спор оказался настолько принципиальным.

В своей концепции происхождения имени *русь* Г.-Ф. Миллер впервые соединил три элемента — финское название шведов (*ruotsolainen*), славянское *русь* и призвание варягов.⁴ Во

¹ Савельев-Ростиславич Н. В. Славянский сборник. СПб., 1845; Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949; Забелин И. Е. История русской жизни. М., 1876. Ч. 1; Тихомиров М. Н. Русская историография XVIII века // ВИ. 1948. № 2; Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и русская история // ВИ. 1961. № 11. С. 93–97; Алпатов М. А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // ВИ. 1982. № 5. С. 3–45.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I; Погодин М. П. О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. М., 1825; Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898; Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 1931. Ročník X. Sešit 1–3; Каменский А. Б. Академик Г. Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. // История СССР. 1989. № 1. С. 144–159; Петрухин В. Я. Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. М., 2008. С. 76–83; Клейн Л. С. Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009; Мельникова Е. А. Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. 2009. № 3. С. 56–58; № 5. С. 55–57.

Соколов Сергей Васильевич — к.и.н., ассистент кафедры истории России Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).
E-mail: srg.sokolov@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ по программе государственной поддержки молодых ученых — кандидатов и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации (договор № 14.125.13.4207-МК)

³ См.: Маловичко С. И. Спор М. В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера как конфликт разных историографических культур // *Imagines Mundi. Сер. Интеллектуальная история*. Екатеринбург, 2010. Вып. 4. С. 283–297.

⁴ См.: Миллер Г.-Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В. В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 366–398.

многим это было обусловлено тем, что Миллеру были известны две группы текстов — летописные, где происхождение имени *русь* связывалось с варягами, и работы шведских историописателей XVII в., а также Г. З. Байера, в которых варяги отождествлялись со скандинавами.

В историографических исследованиях достаточно подробно освещен вопрос о том, как в историописании XVII — начала XVIII в. возникает и развивается идея о скандинавском происхождении варягов. Еще А. Л. Шлецер указывал, что шведские авторы этого периода, такие как О. Верелий, О. Рюдбек, А. Моллер, А. Скарин, Э. Биорнер и др., выводили варягов из Швеции.⁵ Первым из шведов, как отмечал А. А. Куник,⁶ к этой мысли пришел П. Петрей в 1614 г.⁷

Версия шведских ученых XVII в. практически не была известна в России, что вполне понятно в силу периферийности для российской историографии интеллектуального пространства Скандинавии. Исключение составили сочинения Ю. Крижанича, но он заявлял лишь о своем самом общем неприятии взглядов П. Петрея.⁸ Для отечественной историографии XVI—XVII вв. этническое происхождение варягов Рюрика было не вполне ясным и не слишком интересным вопросом. Старый летописный пассаж, в соответствии с которым «ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовут ся свие, друзии же урмане»⁹ и т. д., практически перестал воспроизводиться. Иногда утверждалось, что варяги пришли «из немец».¹⁰ Более значимым был вопрос о происхождении Рюрика, которого стали рассматривать как потомка римского императора Октавиана Августа.¹¹

Как указывал М. А. Алпатов, Г.-Ф. Миллер написал о скандинавском происхождении варягов еще в 1732 г. в издававшемся в Санкт-Петербурге на немецком языке журнале «Sammlung Ruischer Geschichte», т. е.

даже раньше Г. З. Байера.¹² Несмотря на то что Байер не был первым, кто постулировал скандинавское происхождение варягов, он предложил наиболее значимую на тот момент систему аргументации (скандинавские имена князей, скандинавская этимология слова *варяг*, обоснование связи варягов с византийскими варангами и скандинавскими вэрингами, данные «Бертинских анналов»). При всем этом Г. З. Байер не утверждал скандинавского происхождения руси и имени *русь*, которое, по его мнению, могло происходить от слова *рассеяние*. Ученый даже специально указывал, что имя *русь* в Скандинавии «не было ведомо», а потому «не от скандинавов было дано имя руссам».¹³

Завершенный вид скандинавской концепции придал Г.-Ф. Миллер. Отправной точкой для него стала «Повесть временных лет» (Миллер называл ее летописью Нестора). В отличие от шведских историописателей, которые не знали о связи варягов и руси, и от Г. З. Байера, Миллер вполне доверился сообщению летописца о том, что «от тех варягов находников прозвашася русь и отголе словет Русская земля». Поскольку варяги были скандинавами, следовательно, по мысли Миллера, имя *русь* должно быть связано со Скандинавией. Однако, предприняв поиски, Миллер, как он сам писал, не смог обнаружить в Скандинавии «сего имени следов».¹⁴

Чтобы устранить это противоречие, Миллер предложил гипотезу, которая легла в основу современной этимологии имени *русь*. Он отметил, что «финны шведов, неведомо по какой причине, и поныне называют *россами*, по их языку *россалеине*», в то же время современных русских именуя «*веннелеине*, то есть венедами». Следовательно, заключал Г.-Ф. Миллер, «новгородские славяне, услышав имя россов от финнов, оным всех из северных стран пришельцов нарицали, почему и варяги от славян россианами названы. А потом и сами славяне, будучи под владением варягов, имя россиан приняли», так же, как галлы стали называться франками, а британцы — англичанами.¹⁵

Таким образом, Миллер первым в отечественной историографии указал на то, что имя

⁵ См.: Шлецер А. Л. Нестор. СПб., 1809. Ч. I. С. 367–368.

⁶ См.: Куник А. А. Замечания (по поводу критики г. Фортинского) // Зап. Академии наук. СПб., 1878. Т. 33. Приложение. С. 652.

⁷ См.: Петрей П. История о великом княжестве Московском. М., 1867.

⁸ См.: Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 488, 502, 504, 624.

⁹ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 13.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. С. 88; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 340.

¹¹ См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 154.

¹² См.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII — первая половина XIX в. М., 1985. С. 19, 20.

¹³ Bayer T. S. Origines Russicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Vol. 8. Petropoli, 1741. P. 411.

¹⁴ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 395, 396.

¹⁵ Там же.

русь появилось у восточных славян через посредство финнов. Почему Г.-Ф. Миллер выдвинул эту гипотезу? Дело, вероятно, в том, что он был знаком с соответствующими работами шведских авторов (Ю. Буре, И. Локценей), которые пытались объяснить, почему финны называют Швецию *Ruotsi*. Ю. Буре в своем словаре древнешведского языка вывел финское слово *Ruotsi* от древних названий области Рослаген¹⁶ *Rodhen* и *Rodhzlagen*.¹⁷ Побывавший в русском плену в период Северной войны шведский офицер Ф.-И. Страленберг в своем историко-географическом сочинении о России, опубликованном в 1730 г., писал: «...финны шведское государство Родслаген назвали (ибо шведское слово Родаре в немецком языке гребца значит)».¹⁸ По-видимому, определяющим для Миллера было мнение Г. З. Байера. В статье «О варягах» Байер писал, что финны и эсты называют шведов «розалайн или рос народ».¹⁹ Однако до утверждения того, что славяне заимствовали имя *русь* для обозначения шведов от финнов, Байер не дошел.

Гипотеза Г.-Ф. Миллера о происхождении имени *русь* от финского названия Швеции вызвала горячие возражения со стороны М. В. Ломоносова. Говоря о собственной концепции, Ломоносова чаще всего вспоминали в связи с тем, что он связал варягов со славянами, охарактеризовав последних как «славный», имевший «дальнюю древность» народ. Гораздо реже отмечалось, что М. В. Ломоносов связал первоначальную *русь* и роксолан.²⁰ Мотивы, заставившие Ломоносова возражать Миллеру, обсуждались уже не раз, и здесь трудно добавить что-либо новое. Иное дело вопрос о том, почему именно в роксоланах видел М. В. Ломоносов предков руси. Специального исследования данного вопроса не проводилось: ученые ограничивались в лучшем случае кон-

статацией того, что источником для Ломоносова послужил «Синописис», где роксоланы соотносились со славянами.²¹ Между тем рассмотрение истоков представлений Ломоносова позволяет понять, почему спор по этому вопросу занимал ключевое место.

Думается, можно с полным основанием утверждать, что концепция, которой придерживался М. В. Ломоносов, была весьма популярной в ученом сообществе Европы его времени. По-видимому, впервые роксолан и русских стали отождествлять в среде итальянских гуманистов в середине XV в. Наиболее раннее из обнаруженных отождествлений было сделано Э. С. Пикколомини, который в 1458 г. был избран папой римским под именем Пия II. Он указывал, правда с некоторым сомнением, что «русские (которых Страбон, кажется, именует россанами) сопредельны с Литвой».²² Следующее упоминание роксолан как русских также происходит из Италии и принадлежит гуманисту Рафаэлю Маффеи, известному под прозвищем Волатеран. Он в 1506 г. писал, что предками русских являются те самые роксоланы, которые, согласно Страбону, «сражались с полководцами Митридата Евпатора».²³

Вероятно, это мнение итальянских авторов распространилось в первой трети XVI в. по всей Европе. Так, например, роксолан как русских рассматривал И. Фабри в своем сочинении «Религия московитов» (1525 г.). «Народы, — писал он, — теперь называемые нами общим именем московиты, некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами, коих, однако, Птолемей, изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет роксоланами, а равно и Страбон... И они суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона, стойко сражались с полководцами Митридата Антипатора».²⁴

Сходных взглядов придерживались кардинал П. Иовий (1526 г.), немецкий гуманист В. Пиркгеймер, астроном и географ И. Боемус, а также автор «Вандалии» А. Кранц (1519 г.).²⁵

¹⁶ Рослаген — приморская область в Швеции. Ее жители в военное время должны были поставлять воинов для морского ополчения.

¹⁷ Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967. С. 132, примеч. 13.

¹⁸ Страленберг Ф.-И. Записки капитана Ф.-И. Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1986. Ч. 1. С. 24.

¹⁹ Байер Г. З. Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Безра, бывшего профессора восточной истории и восточных языков. СПб., 1767. С. 30.

²⁰ См., напр.: Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 476–485; Клейн Л. С. Указ. соч. С. 22.

²¹ См.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. С. 66, 67.

²² Цит. по: Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. М., 1825. С. 198, 350; Aeneae Sylvii de Statu Europae sub Friderico III liber // Rerum Germanicarum Scriptores. Vol. 2. Argentorati, 1717. P. 115.

²³ Кудрявцев А. Н. Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. Примеч. 36.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ См.: Иовий П. Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 27; Кудрявцев А. Н. Указ. соч. При-

Особую популярность роксоланская концепция происхождения русских получила в Польше, где она отлично сочеталась с выдвинутым еще Я. Длугошем предположением о том, что предками славян являются сарматы (роксоланы же, согласно античным географам, — сарматский народ). Профессор Краковского университета М. Меховский в своем «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.), касаясь географии земель, лежавших к востоку от Польши, писал, что «первой... перед нами лежит Руссия, некогда называвшаяся Роксоланией».²⁶ М. Стрыйковский (чье сочинение являлось источником для «Синописа») поддерживал отождествление Волатераном роксолан и русских.²⁷

В первой половине XVIII в. роксоланская версия оставалась достаточно популярной в ученном мире Европы. Она встречалась и в географических сочинениях, таких, например, как «Представление о древних странах, или Полная география» (1701–1706 гг.) Христофора Целлария,²⁸ где указывалось, что «слово роксоланы составлено из слов россы и аланы».²⁹ В 1729 г. и в 1731 г. в диссертациях, изданных в Дрездене и Лейпциге, немецкий историк и филолог И.-Х. Шеттген пытался доказать, что русские происходят от роксолан.³⁰ Роксоланская версия содержалась в обобщающих и справочных изданиях, таких как достаточно популярная в Европе «Всеобщая история с древнейших времен до настоящего времени», издаваемая Лондонским королевским обществом с 1736 г. (в России была известна М. В. Ломоносову в немецком переводе). Там среди народов, покоренных Митридатом, указывались «роксоланы, от которых ныне выводят русских или московитов».³¹ Значимость роксоланской версии подтверждается и тем, что в первых своих статьях ее разделял Г. З. Байер.³²

меч. 33; Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности. СПб., 1999. С. 45.

²⁶ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 94.

²⁷ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka. Warszawa, 1846. P. 110.

²⁸ Cellarius Christophorus. Noticia orbis antiquae, sive Geographia plenior. Vol. 1, 2. Lipsiae, 1701–1706.

²⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 46.

³⁰ См.: Christianus Schoettgenius. De Ruthenorum originibus. Caput I–III. Dresden, 1731; Шлецер А. Л. Указ. соч.; Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 369, 370.

³¹ См.: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 554.

³² См.: Bayer T. S. De origine et priscis sedibus Scytharum // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Vol. I. Petropoli, 1728. P. 398.

В свете этого становится более понятно, почему в поздних работах Г.-Ф. Миллера обратился к роксоланской концепции. Дело было, вероятно, не только в том, что Миллер усвоил урок, преподанный ему решением Академической канцелярии (в соответствии с которым его диссертация уничтожалась, а сам он отправлялся в отставку с поста ректора Академического университета), но и в том, что Миллер не смог полностью отказаться от столь влиятельного мнения. Обнаружив в «Равеннском географе» (компилятивное географическое сочинение VIII в.) имя *роксолан* на побережье Балтики, Миллер согласился, что роксоланы действительно могли быть оттуда призваны новгородцами (подобное мнение высказывал ранее М. В. Ломоносов).³³ При этом роксолан Миллер считал германцами.

В исторической науке XX в. на первый план в дискуссии Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова стал выдвигаться вопрос о происхождении древнерусской государственности. Л. С. Клейн указывает, что в качестве основного в концепции Миллера выступает тезис о том, что «Древнерусское государство и его культура созданы не самими восточными славянами, а норманнами».³⁴ Считалось, что именно в этом вопросе М. В. Ломоносов нанес главный удар по «норманнской теории», верно указав на решающее значение внутренних факторов в историческом развитии. Заслуга М. В. Ломоносова «в том, — отмечал М. А. Алпатов, — что он первый подошел к коренному вопросу всей проблемы — вопросу об уровне развития восточнославянского общества, о переходе от родового строя к государству». Из наблюдений М. В. Ломоносова, по мнению М. А. Алпатова, «вытекало, что славяне прошли стадию родового строя и уже далеко продвинулись в своем общественном развитии».³⁵

Однако мыслил ли вообще М. В. Ломоносов такими категориями, как «родовой строй»? И обсуждался ли в дискуссии вопрос о происхождении государства? Точнее, видимо, будет говорить, что спор шел не о генезисе государства как набора определенных институтов, а о происхождении власти у восточных славян, об этнической принадлежности первых правителей и об их статусе.

³³ См.: Миллер Г.-Ф. О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 110.

³⁴ Клейн Л. С. Указ. соч. С. 19.

³⁵ Алпатов М. А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии. С. 41, 42.

Институциональное представление о государстве еще только закладывалось в европейской науке того времени. Как указывал К. Скиннер, лишь в конце XVII в. в работах Т. Гоббса государство становится полноценным актором и отделяется от личности государя.³⁶ В российском интеллектуальном пространстве слово «государство» приобретает самостоятельное значение в петровскую эпоху (на Полтавском поле Петр призывает сражаться «не за Петра, а за государство Петру врученное»³⁷), но в то время это слово было, скорее, синонимично слову «отечество», а если речь шла об иностранных государствах, то ближе всего было понятие «страна». Именно в таких значениях слово «государство» употреблено в речи Г.-Ф. Миллера.³⁸

В последнее время в историографии принято считать, что происхождение государства историки XVIII в. понимали не как процесс, а как событие, связанное с появлением верховной власти, князя, династии.³⁹ Однако отметим внимание М. В. Ломоносова к внутренним процессам, протекавшим в восточнославянском обществе и в политической сфере. Если изобразить это внутреннее политическое состояние его же словами, то получится схема, не вполне уместящаяся в классические представления советской историографии о Ломоносове как об историке демократического направления. Он действительно «указал на внутренние силы, свойственные русскому народу, которые дали ему возможность без посторонней помощи подняться из “небытия” и встать во весь свой исполинский рост...»,⁴⁰ но зрелость эта заключалась, по Ломоносову, в наличии самодержавного правления.

Согласно мнению М. В. Ломоносова, среди роксолан (т. е. славян, носивших имя *русь*), переселившихся в Прибалтику, «произошли великие споры», оттого что их «народ... весьма размножился». Тогда к согражданам об-

ратился знатный муж Вейдевут, имя и текст речи которого Ломоносов позаимствовал из сочинения прусского историописателя XVII в. М. Претория. Вейдевут будто бы сказал, что в народе должен быть один владетель, «прочие внимают послушно». «Назначьте себе государя, — призывал Вейдевут, — пусть он судит наши распри, отвращает обиды и убийства, защищает правду и печется о всеобщей безопасности... дайте ему полную власть живота и смерти над всеми». После этих слов народ выбрал Вейдевута королем «для знатности и разума его». «Вейдевут принял на себя притом чин верховного жреца, положил в народе порядок и в будущия времена узаконил, чтобы после смерти его наследник был в летах престарелых, сановит благочестием и знающий дела священныя».⁴¹ Таким образом, варягоссы отличались от прочих славян монархической формой правления. Им надлежало сыграть важную роль в славянской истории, поскольку для приведения прочих славян «под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами россами».⁴²

Совершенно по-иному М. В. Ломоносов описывал политические отношения внутри других славянских племен. «Славяне жили обыкновенно семьями рассеяно, общих государей и города редко имели», а Кий, Щек и Хорив, хоть и «были по случаю особливой знатности или храбрости над оными главные повелители», не оставили потомства.⁴³ Следовательно, у других славян было общенародное, или демократическое, правление.

Парадоксально, но в оценке состояния политической сферы общества новгородских славян к моменту призвания варягов Г.-Ф. Миллер стоял близко к М. В. Ломоносову: Миллер не отрицал, как на это иногда указывали, наличие властных институтов у славян. Согласно его точке зрения в Новгороде «правление было демократическое, причем Гостомысл, честный и благоразумный муж, пред другими отменную власть имел». Однако Миллер не соглашался с «Новгородским летописцем», согласно которому Гостомысл был князем. «Новгородский летописец» — источник поздний, в Несторовой же летописи ничего о княжеском

³⁶ См.: Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 44–58.

³⁷ Цит. по: Хархордин О. Что такое государство? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. С. 177, 178.

³⁸ См.: Миллер Г.-Ф. О происхождении народа и имени российского. С. 366, 367, 388, 390.

³⁹ См.: Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII века // «Философский век»: альм. Вып. 4. СПб., 1998. С. 47.

⁴⁰ Мавродин В. В. Указ. соч. С. 10. Подобный тезис можно встретить отнюдь не только в период борьбы с космополитизмом. Например, С. Л. Пештич писал, что Ломоносов «связывал начало русской государственности прежде всего с внутренней зрелостью славянского общества» (Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1965. Т. 2. С. 80).

⁴¹ Ломоносов М. В. Древняя Российская история. СПб., 1766. С. 49.

⁴² Там же. С. 54.

⁴³ Там же. С. 53, 54.

достоинстве Гостомысла не сказано. «Нестор называет Гостомысла старейшиною, — писал Миллер, — а тогда и другие славенские народы такими же старейшинами были управляемы,⁴⁴ по свидетельству греческого императора Константина Багрянородного». В итоге Миллер приходил к выводу о том, что «новгородцы были без владетелей», т. е. без князей, но не без власти вообще, «пока варягов для принятия княжения назад не призвали».⁴⁵ Таким образом, уровень развития восточнославянского общества определялся не наличием институтов, а, скорее, титулатурой правителя, в чем можно усмотреть логику монархической эпохи, когда в титуле было выражено и достоинство государя, и масштабы его власти.

Это обстоятельство позволяет лучше понять, в чем заключалось, по мнению М. В. Ломоносова, оскорбление, нанесенное Г.-Ф. Миллером русскому народу. Дело в том, что, назвав славянских вождей «старейшинами», Миллер в то же время именовал скандинавских правителей царями, причем эти цари, по его мнению, издревле повелевали восточными славянами. Отталкиваясь от сообщения летописи о варяжском господстве над словенами и кривичами, Миллер для реконструкции этого господства привлекал в качестве источника скандинавские саги Саксона Грамматика. «Деяния данов» Саксона, написанные на латинском языке в конце XII в., рассказывали историю Дании с древнейших времен. Значительное место в них отведено походам датских правителей в восточные земли. Личности этих правителей, как правило, легендарные либо вообще вымышленные Саксоном, а регион, куда они совершали походы и над которым господствовали, он называет Русью (*Ruscia* либо *Ruthenia*).⁴⁶ Г.-Ф. Миллер некритически воспроизводил эти сведения Саксона, оговариваясь, правда, что «мы... имя России употребляем о первейших временах, когда об оном еще не знали, не для того, чтоб кто заключал, что и тогда было

уже оно в употреблении, но для лучшего разумения, о каких землях мы говорим».⁴⁷

По-видимому, доверие Миллера к сагам Саксона Грамматика (которые он характеризовал как «сказки» в поздних своих работах) обусловлено не только стремлением привести скандинавскую историю на славянскую почву. Г.-Ф. Миллер мог поддаться общей для XVIII в. тенденции удревления событийной истории догосударственного периода истории восточных славян. В этом он поступал, в сущности, так же, как и Ломоносов, с той разницей, что доверился не новгородским источникам XVII в. и не Степенной книге, а аутентичным, на его взгляд, скандинавским текстам.

В целом пересказ саг Саксона занимает в речи Г.-Ф. Миллера 1/2 объема. Понятия «*tyrannus*» и «*rex*»,⁴⁸ использованные Саксоном, он перевел как «царь». Вот почему в этой части упомянуты «российский царь» Троннон, «царь российской» Герравд, три «российских царя» Олимар, Енев, Даг, «российский царь» Бой, воевавший «в отмщение брата своего Балдера, славного у датчан героя». Все эти правители, согласно Миллеру, должны были «царствовать» в I–V вв. Таким образом, Миллер делал вывод о том, что в древние времена скандинавы «победоносным оружием покорили себе Россию, или, лучше сказать, Австрию, Острогардию, Гардарикию, Голмгардию, Хунгардию, Гунниландию, которыми именами тогда наши земли от соседственных народов назывались, не зная еще тогда о российском имени».⁴⁹ Всю эту часть, по мнению М. В. Ломоносова, «должно было автору почти без остатку выкинуть».⁵⁰

Разумеется, для М. В. Ломоносова существенным было и то, что славяне оказывались в речи Миллера объектом скандинавского завоевания (часто цитируют слова Ломоносова о том, что в речи Миллера «на всякой почти странице русских быют... скандинавы побеждают»⁵¹). Однако в том, что касается оценки общественного развития новгородцев, Ломоносов и Миллер были близки.

Таким образом, если представить спор Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова с точки

⁴⁴ Ломоносов также называет Гостомысла старейшиной, а не князем, вероятно, потому, что княжеский титул принадлежал, в его понимании, только Рюриковичам (см.: Ломоносов М. В. Древняя российская история. С. 55. Кий, Щек и Хорив не названы князьями, но «Аскольд и Дир в полянех самодержавство начали»).

⁴⁵ Миллер Г.-Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 396.

⁴⁶ Полный профессиональный перевод «Деяний» на русский язык отсутствует. Имеется английский перевод первых девяти книг: *Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Book I–IX. P. Vol. I. Cambridge, 1979.*

⁴⁷ Миллер Г.-Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 380.

⁴⁸ *Saxo Grammaticus. Gesta Danorum // Северная Слава: <http://norse.ulver.com/src/other/saxo/> (дата обращения — 14.11.2012).*

⁴⁹ См.: Миллер Г.-Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 378, 379, 381, 382, 385.

⁵⁰ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 39.

⁵¹ Там же. С. 21.

зрения интеллектуальной истории, то, с одной стороны, весьма отчетливо проявляется противостояние новых тенденций и идей со старыми, укоренившимися представлениями. Влиятельная и уважаемая в европейском ученом сообществе версия о происхождении русских и их названия от роксолан была оспорена новой концепцией происхождения имени *русь* от финского названия Швеции. Эта концепция имела гораздо меньше авторитета и с трудом пробивала себе дорогу, испытывая к тому же давление со стороны тех ученых, которые считали ее оскорбительной для национального чувства. Лингвистические изыскания Г.-Ф. Миллера не удовлетворяли также дискурсу славности и знатности, поскольку увязывали происхождение имени *русь* с финнами — народом, который, по представлениям той эпохи, не мог считаться «славным».

С другой стороны, диспут показал, что по некоторым вопросам Г.-Ф. Миллер и М. В. Ломоносов основывались на сходных принципах.

Опираясь на античные представления (разумеется, дополненные в век Просвещения) о четко различающихся в своих характерных чертах формах правления, диспутанты считали, что в Новгороде накануне призвания варягов был демократический строй. Кроме того, сближало ученых и то, что они старались проследить историю народа максимально далеко в глубь веков (причиной этого была как традиция историописания, так и стремление доказать древностью «славность» истории народа). Наконец, оба стремились описать бытие народов в античную эпоху (даже если эти народы не упомянуты античными авторами). Г.-Ф. Миллер и М. В. Ломоносов следовали этим тенденциям, однако использовали разные источники, в зависимости от той концептуальной модели (славянской или скандинавской), которую избрали. Одинаково хорошее понимание тенденций при совершенно разных конкретных выводах и придавало спору двух ученых особую принципиальность.

Ключевые слова: *историография XVIII в., интеллектуальная история, варяго-русский вопрос, Г.-Ф. Миллер, М. В. Ломоносов*

Sergey V. Sokolov

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *srg.sokolov@gmail.com*

WHAT DID MILLER AND LOMONOSOV ARGUE ABOUT: FIRST STEPS OF THE SCANDINAVIAN CONCEPT OF THE ORIGINS OF THE VARANGIAN RUS

The article deals with the three key issues discussed in the course of debate between G. F. Miller and M. V. Lomonosov: the origins of the name Rus; the Scandinavian influence on the Slavs during the pre-state period, and the formation of the Ancient Russian state. The author dwells on the intellectual sources of the opponents' opinions on these issues and their main arguments. The author comes to the conclusion that Miller and Lomonosov shared many conceptual ideas and practical approaches (the intention to look back to the ancient time in order to trace the history of the nation, show the role and the place of the people in antiquity, the characterization of the form of government) however that fact only heightened their argument on the more fundamental issues.

Key words: *historiography of the 18th century, intellectual history, Varangian issue, G.-F. Miller, M. V. Lomonosov*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Alpatov M. A. Moscow: Nauka, 1985, 263 p. (in Russ.).

Alpatov M. A. *Voprosy istorii* (Questions of history), 1982, № 5, pp. 3–45. (in Russ.).

Artemeva T. V. “Filosofskiy vek”: almanakh: *sb. nauch. tr.* (“Philosophical Age”: Almanac: collected papers). St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, Issue 4, 1998, 267 p. (in Russ.).

Bayer G. Z. St. Petersburg: Pri Imp. Akademii nauk, 1767, 67 p. (in Russ.).

- Bayer T. S. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae: collected papers*. Petropoli, Vol. I, 1728, pp. 387–399; Vol. 8, 1741, pp. 388–436. (in Latin).
- Belyavskiy M. T. *Voprosy istorii* (Questions of history), 1961, № 11, pp. 91–106. (in Russ.).
- Cellarius Christophorus. *Lipisiae*, Vol. 1, 2, 1701–1706. (in Latin).
- Christianus Schoettgenius. Dresden, Caput I–III, 1731. (in Latin).
- Dmitrieva R. P. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1955, 216 p. (in Russ.).
- Evers G. Moscow: Universitetskaya tip., 1825, 366 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Sotsialnye transformatsii v rossiyskoy istorii: sb. nauch. tr.* (Social transformation in Russia's history: collected papers). Moscow; Ekaterinburg: Akademkniga, 2004, pp. 476–485. (in Russ.).
- Ioviy P. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii: sb. nauch. tr.* (Library of foreign writers on Russia: collected papers). St. Petersburg: Tip. III otdeleniya sobstvennoy Ye. I. V. kantselyarii, 1836, pp. 1–93. (in Russ.).
- Kamenskiy A. B. *Istoriya SSSR* (History of the USSR), 1989, № 1, pp. 144–159. (in Russ.).
- Karamzin N. M. St. Petersburg: Tip. N. Grecha, Vol. I, 1818, 263 p. (in Russ.).
- Kharkhordin O. *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh: sb. nauch. tr.* (The concept of the state in four languages: collected papers). St. Petersburg: Letniy sad, 2002, pp. 152–217 (in Russ.).
- Kleyan L. S. St. Petersburg: Yevraziya, 2009, 400 p. (in Russ.).
- Krizhanich Yu. Moscow: Nauka, 1965, 736 p. (in Russ.).
- Kudryavtsev A. N. *Rossiya i Germaniya: sb. nauch. tr.* (Russia and Germany: collected papers). Moscow: IVI RAN, Issue 1, 1998, pp. 16–34. (in Russ.).
- Kunik A. A. *Zapiski Akademii nauk: sb. nauch. tr.* (Notes of the Academy of Sciences: collected papers). St. Petersburg, Vol. 33, 1878, pp. 652–655. (in Russ.).
- Lomonosov M. V. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. 6, 1952, 695 p. (in Russ.).
- Lomonosov M. V. St. Petersburg: Pri Imp. Akademii nauk, 1766, 146 p. (in Russ.).
- Malovichko S. I. *Imagines Mundi. Seriya «Intellektualnaya istoriya»: sb. nauch. tr.* (Imagines Mundi. Series “Intellectual History”: collected papers). Ekaterinburg, Issue 4, 2010, pp. 283–297. (in Russ.).
- Mavrodin V. V. Leningrad: Tip. im. Volodarskogo, 1949, 32 p. (in Russ.).
- Mekhovskiy M. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1936, 301 p. (in Russ.).
- Melnikova Ye. A. *Rodina* (Homeland), 2009, № 3, pp. 56–58; № 5, pp. 55–57. (in Russ.).
- Miller G.-F. *Fomin V. V. Lomonosov: Geniy russkoy istorii* (Fomin V. V. Lomonosov: The genius of Russian history). Moscow: “Russkaya panorama”, 2006, pp. 366–398. (in Russ.).
- Miller G.-F. St. Petersburg: Tipografiya AN, 1773, 132 p. (in Russ.).
- Milyukov P. N. Moscow: Tipo-litografiya vysochayshe utverzhd. t-va I. N. Kushnerev i K, Vol. I, 1898, 408 p. (in Russ.).
- Moshin V. A. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii* (Slavia. Journal of Slavic philology), 1931, Year X, Book 1, pp. 109–136; Book 2, pp. 343–379; Book 3, pp. 501–537. (in Russ.).
- Mylnikov A. S. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 400 p. (in Russ.).
- Peshlich S. L. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, Vol. 2, 1965, 344 p. (in Russ.).
- Petrey P. Moscow: Universitetskaya tip. (Katkov i K°), 1867, 353 p. (in Russ.).
- Petrukhin V. Ya. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Yevropy: sb. nauch. tr.* (Ancient states of Eastern Europe: collected papers). Moscow: “Indrik”, 2008, pp. 76–83. (in Russ.).
- Pogodin M. P. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1825, 176 p. (in Russ.).

- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). St. Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa, Vol. 5, 1851, 281 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. 25, 1949, 463 p. (in Russ.).
- Povest vremennykh let* (Primary Chronicle). St. Petersburg: Nauka, 2007, 669 p. (in Russ.).
- Rerum Germanicarum Scriptores*. Argentorati, Vol. 2, 1717. (in Latin).
- Savelev-Rostislavich N. V. St. Petersburg: Tip. K. Vingebera, 1845, 543 p. (in Russ.).
- Saxo Grammaticus. Available at: <http://norse.ulver.com/src/other/saxo/> (accessed October 14 2012). (in Latin).
- Saxo Grammaticus. Cambridge: D. S. Brewer, Book I–IX, Vol. I–II, 1979, 344 p. (in English).
- Shaskolskiy I. P. *Kritika noveyshey burzhuaznoy istoriografii: sb. nauch. tr.* (Critique of modern bourgeois historiography: collected papers). Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1967, pp. 128–176. (in Russ.).
- Shletser A. L. St. Petersburg: Imperatorskaya tip., Part I, 1809, 475 p. (in Russ.).
- Skinner K. *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh: sb. nauch. tr.* (The concept of the state in four languages: collected papers). St. Petersburg: Letniy sad, 2002, pp. 12–74. (in Russ.).
- Stralenberg F.-I. Moscow; Leningrad: In-t istorii SSSR, Part 1, 1986, 220 p. (in Russ.).
- Strykowski M. Warszawa: Naklad Gustawa Leona Glucksberga, Ksiegarza, 1846, 520 p. (in Polish).
- Tikhomirov M. N. *Voprosy istorii* (Questions of history), 1948, № 2, pp. 94–99. (in Russ.).
- Zabelin I. Ye. Moscow: Tip. Gracheva i K, Part 1, 1876, 645 p. (in Russ.).